

Садыков Глеб Ильдарович

**Современные методологические возможности полидисциплинарного
анализа истоков и природы античного гуманизма
(на примере исследования «казуса» Платона)**

Специальность
07.00.09 – историография, источниковедение,
методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Томск 2012

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира, средних веков и методологии истории
ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Николаева Ирина Юрьевна

Официальные оппоненты: **Якуб Алексей Валерьевич**
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Омский государственный
университет», декан исторического
факультета

Кириленко Елена Ивановна
доктор философских наук, профессор ГБОУ
ВПО «Сибирский государственный
медицинский университет», профессор
кафедры философии с курсами
культурологии, биоэтики и отечественной
истории

Ведущая организация: Институт всеобщей истории РАН (Центр
сравнительной истории и теории
цивилизаций)

Защита состоится «30» мая 2012 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного
совета Д 212.267.03 по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34, ауд. 41.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВПО
«Национальный исследовательский Томский государственный университет» (г. Томск, пр.
Ленина, 34 а).

Автореферат разослан 28 апреля 2012 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Харусь Ольга Анатольевна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и научная значимость темы исследования

XX век стал важнейшей вехой в истории развития методов научного познания. Это было время смещения методологических акцентов и в исторической науке, поскольку исследователи всё большее внимание стали обращать на культурно-бытовую составляющую жизни человека, на его мироощущение и мировосприятие. Разработка идеи «новой истории», по выражению М. Блока «более широкой и гуманной», всецело принадлежит возникшей в конце первой трети XX века школе «Анналов»¹. В других отраслях гуманитарного знания: «... был накоплен тот необходимый багаж, без которого невозможно было бы настоящее обновление науки и, прежде всего, в той её уязвимой части, которая касается возможностей анализа сознания и психологии людей. Антропологический сдвиг, теперь об этом можно говорить более или менее определённо, наметился не только в западной историографии, но и в отечественной»². Пусть позже, чем на Западе, но российское историческое сообщество всё же пришло к ясному пониманию методологической важности такого «поворота», и сделало свой оригинальный вклад в него.

Актуальной задачей современного этапа развития исторического знания стало создание и разработка таких исследовательских стратегий, которые бы смогли преодолеть все слабые места междисциплинарных изысканий второй половины XXв., характеризующиеся определённой механистичностью заимствования, а также свойственной этому этапу всеядностью и отсутствием строгих критериев отбора используемых методик. «Если на определенном этапе развития «новой исторической науки» обнаруживалась тенденция абсолютизировать значение отдельных вариантов междисциплинарного анализа, то теперь, – подчеркивала в конце 90-х гг. Л.П. Репина, – главным императивом становится поиск объединяющего принципа в конструировании исторического прошлого, поиск такой стратегии исследования, которая соответствовала бы интегративному характеру самого исторического процесса»³.

К числу таковых, по мнению ведущих экспертов в области методологии истории и историографии, относится и оригинальная технология полидисциплинарного синтеза, имеющая фокусом бессознательное, разработанная в рамках томской методолого-

¹ Более подробно см.: Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Вып. 2: Становление «новой исторической науки». Томск, 2003. С. 6–110.

² Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2010. С. 30.

³ Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории (Часть II)// Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 12.

историографической школы⁴. Основанная по сравнению с междисциплинарными подходами XX века, родившимися в лоне «новой научной истории», на принципиально новых методологических позициях, эта технология базируется на принципах общей фокусируемости комплекствующих ее методов, их совместимости, взаимодополняемости и способности к методологической конвертируемости. Изначально разработанная на теоретическом уровне, данная технология уже неоднократно тестировалась на различном конкретно-историческом материале. Разработанная на теоретическом уровне, данная технология уже неоднократно тестировалась на различном конкретно-историческом материале истории раннего Средневековья и начала Нового времени, при этом подтвердив свою результативность, в том числе и в аспекте верификации получаемых результатов⁵.

В то же время отмечалось, что «насколько успешной окажется данная модель в применении к другому историческому материалу – это еще вопрос, ответ на который, возможно, потребует более тонкой «доводки» предложенной модели или создания новых концептуальных схем и значительного числа апробаций в конкретно-исторических исследованиях»⁶.

Высказанный тезис уже сам по себе делает тему диссертационного исследования, ориентированного, в том числе и на выявление методологических ресурсов означенной технологии в применении к новому – античному материалу, достаточно актуальной и новой.

Помимо этого тематика работы имеет и глубокий социо-культурный смысл. Ведь такое простое и привычное слово как «гуманизм», буквально означающее человеколюбие, тем не менее, включает в себя массу самых различных трактовок и определений⁷. И это неудивительно: каждая цивилизация дала свой неповторимый культурно-исторический материал, лёгший в основу такой разноголосицы.

В своих рассуждениях Л.М. Баткин отмечал, что гуманизм нередко определяют, как интерес к человеку. Однако в таком воплощении он в той или иной мере присущ каждой когда-либо существовавшей культуре. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить один из древнейших памятников литературного наследия – «Эпос о Гильгамеше».

⁴ Более подробно См.: Репина Л.П. Рец.: Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 302 с. // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 224-227; Она же. Теоретические основания исторического знания после «постмодерна» // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 2007. Вып.28. С. Минц С.С. Рец. на кн.: Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного / И.Ю. Николаева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 302 с. // Вестник РГГУ: Ежемес. науч. журн. Сер. «Ист. науки» / Гл. ред. Е.И. Пивовар; Рос. гос. гуманитар. ун-т. М.: РГГУ, 2009. № 4. С. 285-289.

⁵ Там же.

⁶ Репина Л.П. Рец.: Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. с. 302 // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С.227.

⁷ Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/hist_dic/10214/ (дата обращения 13.12.2011).

По мнению историка, интерес и внимание к человеку должны быть основаны, прежде всего, «на понимании его земных устремлений, а также самой природы его деяний», как это было в эпоху возрождения. В таком ключе ренессансный гуманизм можно трактовать, как интерес к *studia humanitas*, с помощью которой деятели Возрождения пытались сделать лучшим этот мир.

Однако, отдавая предпочтение той или иной трактовке этого понятия нельзя забывать о той важной изначальной общей гуманистической ценности, которая является фундаментально значимой для всего человечества. Несмотря на всевозможные развёрнутые научные определения понятия гуманизм, его главной дефиницией всё же является именно упомянутое выше «человеколюбие» – в определённой степени отрефлексированное желание позаботиться о благе окружающих людей.

По мере развития общества всё больше прирастает не только рационально-интеллектуальный интерес к тому, какова природа этого явления, но и создается международная институциональная среда, для поддержания идей и деятельности, связанной с прокламацией гуманистических ценностей и идеалов. Свидетельство тому – различные ассоциации: Международная академия гуманизма, Американская гуманистическая ассоциация⁸, Голландская гуманистическая лига, Российское гуманистическое общество⁹, Индийская радикальная гуманистическая ассоциация, Международная Коалиция «За Гуманизм!».

Многие специалисты обоснованно полагают, что колыбелью гуманизма, была античность. Ряд авторитетных исследователей, таких, как В.В. Бычков обнаруживают первые заметные проявления идей, касающихся «человечности» на территории Римской империи только во II-III вв. н.э. – в эпоху раннего христианства, где «человек становится высшей ценностью в мире, а *человечность* — высшим и неотъемлемым свойством и человека, и человеческой культуры»¹⁰. Если говорить о первых опосредованных проблесках интереса к человеку, как таковому, то здесь принято называть V в. до н.э. Одними из наиболее ключевых фигур в этом контексте принято считать некоторых софистов, в первую очередь Протагора, а также афинского философа Сократа¹¹. Однако, это в первую очередь касалось пересмотра самого отношения к человеку, как элементу системы познания. По сути,

⁸ International Humanist and Ethical Union. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт – URL: <http://www.ihcu.org/minimumstatement> (дата обращения 13.12.2011).

⁹ Российское гуманистическое общество. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт – URL: <http://www.humanism.ru/> (дата обращения 14.12.2001).

¹⁰ Бычков Э.Д. Предвизантийская эстетика. Раннее христианство. II-III века. // Малая история византийской эстетики. Киев, 1991. С. 24.

¹¹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. Т. 2 [Электронный ресурс]. – Электрон. библи. – М.: «Искусство», 1969. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev2_HistEst/2Los_sokr_1.php (дата обращения 16.11.2011)

произошёл поворот от переставшего работать натурализма, в сторону первых попыток саморефлексии. По мнению Сократа, предметом знания может служить только то, что доступно целесообразной деятельности человека, а это, прежде всего, деятельность души, соответственно главной задачей познания является – самопознание («познай самого себя»)¹². В отличие от софистов, а это очень важно, во главу угла Сократ ставил представления о некоем высшем благе, которому и должны были подчиняться все частные мотивации познающего.

Так как главным объектом познания философа являлась духовная сфера человеческого бытия, то и основной задачей его поисков было определение позитивных морально-этических качеств личности, иначе говоря, добродетелей. По мнению А.Ф. Лосева, именно Сократ впервые в античной истории отождествляет понятие знания и добродетели¹³. На том конкретном историческом этапе подобная мысль была не только свидетельством высокой степени эстетического рационализма (прекрасное – то, что разумно), но и, в каком-то смысле, отправной точкой гуманитаризации европейской общественной мысли.

Его нравственная философия оказала колоссальное влияние на многочисленных учеников и последователей, среди которых особенно выделяется Аристокл, увековечивший свои философские искания под псевдонимом Платон. Именно в его социально-политической модели, на наш взгляд, следует искать первые явные признаки рационального оформления идей античного гуманизма.

В такой постановке проблема античного гуманизма и его специфики в историографии отсутствует. Иными словами **новизна предлагаемой диссертации** заключается не только в раскрытии ресурсов избранной полидисциплинарной исследовательской стратегии для анализа означенного практически мало исследованного феномена антиковедения (той самой области, к которой данная технология не прикладывалась и где она требует дополнительной экспертизы), но и в уточнении вопроса генезиса европейского гуманизма. Обращение к указанному аспекту истории античности во многом обусловлено самой историографической ситуацией. Спектр интерпретаций Платона необычайно широк. За тысячи лет анализа в отношении его наследия успело смениться немало принципиально разнящихся подходов. Одни считали этого мудреца художником-мечтателем¹⁴, другие реакционером и сторонником общинно-родового строя¹⁵, третьи

¹² Асмус В.Ф. Античная философия. М., 1976. С. 127-128.

¹³ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. Т. 2 [Электронный ресурс]. – Электрон. библ. – М.: «Искусство», 1969. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev2_HistEst/2Los_sokr_1.php (дата обращения 16.11.2011)

¹⁴ Кузьмин И. Открытая Атлантида? СПб., М. 2002.

революционером, а кто-то и вовсе видел в нём родоначальника коммунизма¹⁶ или теории фашизма и тоталитаризма¹⁷.

Степень изученности темы

Долгое время в изучении платоновского наследия преобладал, так называемый, «философский детерминизм». Учёных, в первую очередь, интересовали его объективный идеализм и диалектический метод познания. В частности в XIX-XX столетиях, такие знаменитые философы, как Виндельбанд, Наторп, Гуссерль, Флоренский в один голос заявляли, что Платон в своих работах предвосхитил многие методы и подходы, разработанные лишь в философии Нового времени и даже XX в.¹⁸ Были, конечно, и иные точки зрения, например М. Элиаде характеризовал Платона, не как гениального новатора, а как «образцового философа первобытного склада ума»¹⁹. Большинство нынешних философов (по крайней мере отечественных), чью позицию ярко выражают В.Ф. Асмус и А.Ф. Лосев, склонны позиционировать Платона, как человека, который в философско-эстетическом плане далеко опередил своё время²⁰.

В середине XIX века в общественной жизни начинают происходить значительные перемены. В связи с объективными переменами в общественной жизни тщательному анализу стала подвергаться уже политическая доктрина Платона. В связи с чем многие увидели в нём яркого противника идей либерализма (впрочем, некоторые, например, Пёльман, разглядели в платоновской теории зачатки коммунизма). Здесь, в первую очередь, стоит назвать работы Гегеля, Ф.Ю. Шталя, Т. Гомперца²¹, Дж. Гроута²², Э. Целлера, Р. Кроссмана²³ и др. Наиболее безапелляционным и последовательным продолжателем этой тенденции был Карл Раймунд Поппер, в чьей известной работе «Открытое общество и его враги» в наиболее резкой форме сформулирован тезис об антигуманизме и тоталитаризме Платона.

Шлейф подобного определения теории Платона можно встретить и в современных исследованиях, например, у И.Е. Сурикова²⁴, который, как и Ю.В. Андреев²⁵, делает ряд

¹⁵ Лосев А.Ф. Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба // Платон и его эпоха /Под ред. Ф. Х. Кессиди. М., 1979. С. 30.

¹⁶ Пёльман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910.

¹⁷ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., Т.1. 1992. С. 125.

¹⁸ Вахитов Р. Платоновское учение об «идеальном государстве» как теория реставрации традиционного общества [Электронный ресурс]. – Электрон. библиот. URL: <http://nevmenandr.net/vaxitov/platostat.php> (дата обращения 14.12.2011)

¹⁹ Элиаде М. Миф о вечном возвращении [Электронный ресурс]. – Электрон. библиот. – Пер. Е. Морозовой и Е. Мурашкинцевой. СПб.: «Алетейя», 1998. URL: <http://nz-biblio.narod.ru/html/eliade1/retoir1.htm> (дата обращения 14.12.2011)

²⁰ Асмус В.Ф. Платон. М.: «Мысль», 1975, С. 5.; Лосев А.Ф. Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба // Платон и его эпоха /Под ред. Ф. Х. Кессиди. М., 1979.

²¹ Gomperz Theodor. Griechische Denker. Eine Geschichte der antiken Philosophie, II. Loz., 1903. P. 403.

²² J. Grote. Plato and the Other Companions of Socrates, London, 1875.

²³ Crossman R.H. Plato To-Day, 1937, P. 132.

²⁴ Суриков И.Е. Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С.266-267.

²⁵ Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. СПб.: «Алетейя», 1999.

важных оговорок, касающихся специфики авторитаризма платоновской теории, а также его историко-культурной обусловленности.

Однако, гораздо чаще современные исследователи подчеркивают элитаризм как существенную черту платоновской философии: Э.Д. Фролов²⁶, В.Ф. Асмус²⁷, П. Карабущенко²⁸, И.В. Аллёнов²⁹ и др.

Очень интересными представляются работы Р. Вахитова, который за критикой демократии у Платона, увидел нечто более глубокое, чем проявление тоталитарного начала. Он связал это с космологическими аспектами философии греческого мыслителя.

Однако, даже в такой, во многом позитивной, трактовке политических идей Платона, речь о наличии в них какого-либо гуманистического экстракта не идёт. Более того, подобные взгляды вообще редко встречаются во всём массиве современной тематической историографии.

Для диссертационного исследования немалое значение имеет также и анализ самого историко-культурного интерьера, в котором развивался афинский полис, особенно, изучение специфики генезиса и эволюции его социально-психологической идентичности. К числу наиболее значимых работ, в которых, так или иначе, пусть и в несколько ином ракурсе, освещались эти проблемы, относятся монографии С.И. Ковалёва³⁰, Э.Д. Фролова³¹, А.В. Андреева, А.И. Зайцева³² и И.Е. Сурикова³³. Все названные авторы – признанные авторитеты отечественного антиковедения, большая часть из которых принадлежит к ленинградской школе. В указанных исследованиях дается развёрнутая характеристика значимых исторических процессов, имевших место быть на протяжении всей истории древней Греции. Фактически в том или ином виде в них представлен существенный массив данных о динамике эволюции греческой государственности, идеологии и культуры.

Одними из наиболее значимых и интересных, на наш взгляд, являются работы Э.Д. Фролова. Ему одному из немногих, удалось, не выходя за рамки классического исторического подхода, отметить множество интересных аспектов, касающихся причинно-следственных связей между динамикой развития полисной системы и изменениями морально-нравственной ауры греческого социума. Нужно отметить, что он одним из первых

²⁶ Фролов Э.Д. Платон и тирания // парадоксы истории – парадоксы античности. СПб. 2004, С. 264-265.

²⁷ Асмус В.Ф. Античная философия. М. 1976. С. 247-248.

²⁸ Карабущенко П.Л. Элитология Платона. [Электронный ресурс]. – Электрон. библ. – М.-Астрахань. 1998.

²⁹ И.В. Аллёнова. Образ идеального правителя у Платона // Жебелевские чтения 3. Тезисы докладов научной конференции 29-31 октября 2001. СПб., 2001. С. 31-34.

³⁰ Ковалёв С.И. История античного общества. Греция. Эллинизм. Рим. Ленинградское отделение, 1936.

³¹ Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. СПб., 2004; Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001. С. 15 слл.; Фролов Э.Д. Греческие тираны (IV в до н.э.). Издательство Ленинградского университета, 1972.

³² Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII –V вв. до н.э. СПб., 2000. С. 317.

³³ Суриков И.Е. Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008.

выявил истоки и причины ментального кризиса, раньше всего проявившегося в Афинах. Также учёному удалось произвести детальный анализ сути Афинской демократии V в. до н.э.

Сюда же стоит отнести, уже упомянутого ранее Ю.В. Андреева, который выделил связь процессов развития товарно-денежных отношений и эволюции духовно-психологических ценностей полиса, а точнее их девальвации.

При всей верности этих интерпретаций, в них отсутствует весьма важный момент, связанный с анализом деформации морально-психологического климата в обществе, хотя его характеристика несомненно присутствует.

Невозможно должным образом понять процессы мутации ценностных ориентиров афинского сообщества, не разобравшись с особенностями генезиса и эволюции самого демократического режима в классическую эпоху греческой истории. В этой связи стоит отметить научные произведения, опять-таки, Э.Д. Фролова³⁴, С.Я. Лурье³⁵ и Р.В. Светлова³⁶. В указанной статье, Фролов обращает внимание на заметные изменения в представлениях о феномене афинской демократии (как вполне совершенной формы государственности, созданной в классической древности), заложенных в отечественной историографии ещё М.С. Куторгой³⁷, а в зарубежной Дж. Гроутом³⁸. Среди специфических черт, свойственных этому режиму, учёный выделяет присущую ему внутреннюю аристократическую сущность, которая в той конкретно-исторической ситуации в самом скором времени неминуемо должна была оборотиться тиранией.

Р.В. Светлов делает акцент на том, как развитие флота, а также выполнение свежееиспечённой демократией своих социальных обязанностей, в итоге самым негативным образом сказалось на моральном климате Афин, так как инициировали появление большого количества люмпенов, не имевших надобности в земле, но при этом получавших неплохой доход и обладающих солидными гражданскими правами.

Разбираясь в специфике афинской демократии, нельзя пройти мимо полемики представителей ленинградской и московской школ Х. Туманса³⁹ и С.И. Сурикова⁴⁰, касающейся сущности цензовой реформы Солона, которая ведётся, в том числе и на

³⁴ Фролов Э.Д. Античная демократия (к оценке исторического феномена) // Парадоксы истории – парадоксы античности, СПб., 2004.

³⁵ Лурье С.Я. Две истории 5 века // Плутарх. Избранные биографии. Ред. и перевод с греч. Лурье С.Я. Москва, Ленинград, 1941.

³⁶ Светлов Р.В. О Ксенофонте и его «Греческой истории» // Ксенофонт. Греческая история., С-П., 2000.

³⁷ Куторга М. С. Афинская гражданская община по известиям эллинических историков // Собрание сочинений [в 2х томах.]. СПб., 1894-1896.

³⁸ Grote G. A history of Greece. Vol. I - XII. London, 1846 – 1856.

³⁹ Туманс Х. Ещё раз об «аристократизме» и «буржуазности» Солона // ВДИ. 2007. №2, Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла. СПб., 2002.

⁴⁰ Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004, Суриков И.Е. Ещё раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемиические заметки). Часть II // Из истории афинского общества. Нижний Новгород, 2009. Вып. 12.

страницах Вестника древней истории. Также здесь стоит уделить особое внимание тем «комментариям» данной дискуссии, которые даёт В.Р. Гушин⁴¹.

Анализ эмоционально-интеллектуальный афинского полиса V-начала IV вв. невозможен и вне контекста эволюции греческой системы образования и воспитания. Для этого будет полезно обратить внимание на весьма фундированный характер труда известного французского историка А.-И. Марру – «История воспитания в античности (Греция)».⁴² Через эволюцию образовательных практик в различные эпохи греческой истории с помощью специального методологического инструментария, можно отчётливее разглядеть как на том или ином этапе в процессе воспитания проявляют себя традиционные общественные ценности.

Наиболее близко к пониманию и расшифровке взаимосвязи гендерного и властного кода в античном сознании и поведении, подошел французский исследователь-публицист А. Киньяр⁴³. Его понимание власти во многом базируется на тех методологически важных посылах, позволяющих глубже понять ее природу, которые афористично сформулировал Р.Барт, а строго научно Э.Фромм. Не прибегая к необходимому инструментарию, через анализ разнопорядковых источников П.Киньяр вывел основную смысловую установку полноправного члена римского общества - *virtus* (добродетель). При этом он характеризует ее в регистре, который в какой-то степени соотносим с проделанной им реконструкцией греческого властно-гендерного кода: «Таким образом, физическая сила, военное превосходство, сексуальная мощь, упрямый характер и необузданная *voluptas* образов дали этот сплав под названием мужская добродетель (*virtus*)».

Разумеется, что при всей важности идеи П. Киньяра о неразделимости властного и гендерного начала, ретранслировать её на греческий социум необходимо скрупулёзно опираясь на источники, поскольку римские ценностные реалии по понятным причинам имеют несколько иную специфику.

Если у Киньяра греческая ментальность представлена одним модусом, то в исследовании И.Ю. Николаевой предпринята попытка не только с помощью инодисциплинарного инструментария препарировать его природу в строго научном режиме, но и дифференцировать культурно-исторические черты этого кода, присущие обществам спартиатов и афинян⁴⁴. Дополнительную информацию гендерного характера можно

⁴¹ Гушин В.Р. Цензовая реформа Солона и кризис в Аттике на рубеже VII-VI вв. до н.э. // ВДИ. 2011. №3. С. 107-122.

⁴² Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). «Греко-латинский кабинет», Москва, 1998; Здесь также см.: Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. / Пер. с нем. М.Н. Ботвинника. - М.: «Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. 1997.

⁴³ Киньяр П. Секс и страх: Эссе: Пер. с фр. — М., 2000.

⁴⁴ Николаева И.Ю. Истоки и особенности европейского гендерного культурного кода // Гендерная идентичность в контексте разных историко-культурных типов: стратегия и методики гендерного образования. Материалы I и

почерпнуть пусть не в концептуальном, но насыщенном конкретикой исследовании Е. Вардиман⁴⁵.

Как уже отмечалось, имея в виду как необходимое слагаемое избранной исследовательской стратегии, реконструкцию моделей и сознания поведения, на пересечении которых, как сказал бы Ю.М. Лотман, и родилась фигура Платона, нельзя обойти вниманием тот пласт историографической традиции, где анализу подвергается жизнь и деятельность близких мыслителю людей, в особенности тех, кто сыграл для него роль идентификационного идеала. Из соответствующих аналитических произведений следует особо выделить работу Ф.Х. Кессиди «Сократ»⁴⁶. В ней, так или иначе, все необходимые нам персонажи, рассматриваются в тесной взаимосвязи с поступками и философией объединяющего их учителя – Сократа.

Информацию об эмоциональной, а также идейной преемственности между Платоном и Сократом можно почерпнуть, например, из работ А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи, а также английского учёного Э. Доддса. Его монография «Греки и иррациональное»⁴⁷, помимо прочего, интересна тем, что являет собой первую успешную попытку представить историю Древней Греции, как историю эволюции греческого сознания. Для этого исследователю пришлось использовать принцип полидисциплинарности, поскольку для анализа ментальности потребовалось привлечение целого ряда антропологических и психологических теорий.

Объектом исследования выступают сами возможности применения методов полидисциплинарного анализа к исследованию природы и специфики гуманизма.

А предметом исследования, соответственно, методологические возможности использования оригинальной технологии полидисциплинарного анализа, имеющей фокусом бессознательное, для реконструкции природы гуманистических идей в социально-политической теории Платона.

Цель данной работы заключается в выявлении эпистемологических возможностей избранной методологии полидисциплинарного синтеза, имеющей фокусом бессознательное, в вопросе реконструкции природы и историко-культурной специфики гуманизма Платона.

Исходя из этого **основные задачи** автор видит такими:

II семинаров / Под ред. И.Ю. Николаевой. Томск, 2003; Она же. Архаика и гендерные коды культуры в свете исследования бессознательного. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 52. С.92-98

⁴⁵ Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М., 1990.

⁴⁶ Кессиди Ф.Х. Сократ, СПб: «Алетейя», 2001.

⁴⁷ Доддс Э.Р. Греки и иррациональное. СПб.: Алетейя, 2000.

- Показать ресурсные возможности данной технологии в исследовании эволюции психосоциальной идентичности греческого социума в контексте историко-культурного интерьера античного полиса.

- Продемонстрировать методологический потенциал используемой исследовательской стратегии для выявления различия путей обретения собственной идентичности представителями афинской элиты в условиях кризиса.

- Выявить методологический ресурс полидисциплинарного подхода для анализа кризиса идентичности Платона и особого пути выхода из него на путях обретения нового устроения и формулирования новых ценностей.

- Провести верификацию сделанных выводов, концентрированно представленных в виде исследовательской гипотезы, касающейся природы и культурно-исторической специфики гуманистических идей античного философа.

- Тем самым разрешить «казус» Платона, связанный с несоответствием авторитарной формы и, во многом имплицитной, гуманистической сущностью его теории, что в свою очередь породило «казус» историографический, связанный с наличием в науке диаметрально противоположных тенденций: одни исследователи классифицировали идеи философа как элитарные и даже тоталитарные, другие же – как гуманистические.

Научная новизна

На сегодня данная диссертация является первой и единственной попыткой апробации оригинальной методологии полидисциплинарного синтеза, имеющей фокусом бессознательное на античном материале. Впервые были выявлены методологические возможности системной реконструкции духовно-психологической составляющей кризиса античного полиса на примере приложения разработанной технологии к исследованию трансформации психосоциальной идентичности его граждан, а также показаны имеющиеся методологические ресурсы профессионально адекватной системной реконструкции генезиса гуманистических ценностных ориентиров в творчестве Платона в контексте кризиса идентичности как самого греческого полиса (на примере Афин), так и его личности. Более того, данное исследование наглядно показало различие путей социализации и обретение своего внутреннего «Я» различными представителями элиты в период кризиса полисной системы. Новизна результатов определяется также тем, что исследуемый антиковедческий материал дал основания для выводов, которые впервые были подвергнуты поэтапной процедуре верификации.

Хронологические рамки работы достаточно широки, поскольку в рамках реконструкции греческой идентичности нам приходится обращаться к раннему периоду становления греческой полисной системы – гомеровской эпохе, датируемой в историографии

концом II тысячелетия до н.э. и началом I. Однако самое пристальное внимание уделяется классической эпохе истории Древней Греции (V-IV вв. до н.э.), поскольку именно на этот период приходится жизнедеятельность исследуемых персоналий – Платона, Ксенофонта, Алкивиада, а также Сократа. Ключевым, по убеждению автора следует считать вторую половину V в. Во-первых, потому что уже тогда (особенно на примере Афин) можно было увидеть насколько глубоко зашёл процесс эрозии традиционных социокультурных установок, что означало конвертацию медленно нарастающего ментального кризиса в острый кризис общественно-политический. Во-вторых, именно тогда окончательно формируются те матрицы поведения различных представителей афинской элиты, которые являли собой возможные варианты мутации изначальных фиксированных ценностей. Их скрупулёзная расшифровка, посредством соответствующего методологического инструментария, предусматривающего, в том числе и опору на внеисточниковое знание, по сути, и позволяет выявить тот гуманистический экстракт, который содержится в общественно-политической модели философа Платона.

Методологическая основа работы.

Ведущим методологическим принципом, направляющим работу является принцип историзма, требующий изучения каждого явления в его конкретных связях и взаимообусловленности, в конкретных обстоятельствах времени возникновения явления и его развития. Использовано также сочетание историко-сравнительного, историко-генетического и историко-биографического методов, позволивших в своей совокупности раскрыть особенности как идентичности Платона, так и функционирование античного общества в период крутого перелома его ценностных ориентаций.

Именно на этих классических основах базируется и парадигмально новая полидисциплинарная технология, разработанная в рамках томской методолого-историографической школы, чьи ресурсные возможности не только проверяются путем апробирования в данной диссертации на новом античном материале, но и служат методологическим ориентиром в разрешении историографического «казуса» Платона.

Выбор комплектующих данной технологии, ориентированных не на все, а лишь на определенные концепты бессознательного, позволяет действовать в новом, гораздо более пластичном, а главное – научно-строгом режиме. Привлекаемые теории установки Д. Узнадзе и его школы, Э.Эриксона, Э.Фромма, К. Хорни, П. Бурдые, равно как и некоторые другие, оперируют такими моделями бессознательного, которые вскрывают его историко-культурную и природную обусловленность. Называется ли это бессознательное габитусом (П. Бурдые), идентичностью (Э.Эриксон), установкой (Д.Узнадзе), во всех случаях в качестве

принципиального методологического ориентира выступает анализ структур умонастроения в контексте социальных условий их происхождения и бытования.

Важно, что данная исследовательская стратегия уже неоднократно с успехом применялась к другому конкретно-историческому материалу, в частности к различным сюжетам из истории Средневековой Европы⁴⁸.

Источники.

Характер работы предполагает разделение привлечённых источников на несколько групп. Исторические источники включают в себя:

. Исторические источники включают в себя:

- Сведения различных древнегреческих авторов, которые помогают точнее просканировать историко-культурный контекст кризисной эпохи греческой истории. К ним можно отнести произведения Гомера, Гесиода, Феогида, Алкея, Солона, Аристофана, а также Геродота, Фукидида и других. Именно благодаря этим свидетельствам мы имеем возможность проследить пути эволюции социально-психологической идентичности, начиная с момента оформления государственности в гомеровскую эпоху вплоть до рубежа V-IV вв., когда кризисные тенденции стали ярко проявляться не только на уровне ментальности, но и в самом основании функционирования полисной структуры.
- Произведения **Платона** (в первую очередь его политические диалоги и письма) и Ксенофонта, которые, во-первых, позволяют реконструировать их собственное мировосприятие (иными словами дают возможность лучше разобраться в особенностях обретения ими своей психосоциальной идентичности), а во-вторых, предоставляют достаточно обширные конкретные исторические сведения. Например, письма Платона и «Греческая история Ксенофонта».

Следующая группа источников может быть охарактеризована, как частично историографические, а частично исторические.

- К этой группе относится наследие тоже древних, но значительно более поздних авторов, таких как Диоген Лаэртский, Страбон, Олимпиодор,

⁴⁸См. например: Николаева И.Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск. 2010; Котов А.С. Братия Тевтонского Ордена в Пруссии XIX – сер.XV. вв.: Трансформация психосоциальной идентичности в контексте процессов «Перехода». Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 2010; Папушева О.Н. Кризис испанского общества конца XVI –пер. пол. XVII вв. в свете междисциплинарного анализа ментальности пикаро (по плутовским романам). Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук Томск, 2006.

Цицерон и т.д. Историческими эти источники можно считать постольку, поскольку они содержат часть информации, касающейся исследуемого периода, о которой более достоверных сведений, в силу различных причин, не сохранилось. Поэтому, те факты, которые учёные не смогли опровергнуть, принято считать достоверной. Историографическими их можно считать, постольку поскольку эти авторы, всё-таки, пересказывали минувшие события через призму собственного их восприятия.

И заключительная группа – источники собственно историографические.

- Стоит оговориться: так как данная диссертация является во многом методологической и историографической работой, то в раздел источников неминуемо попадает и та часть использованной литературы, в которой даётся характеристика специфики социально-политической теории, а также личности, как самого Платона, так и Алкивиада и Ксенофонта. В первую очередь, это, конечно, К. Поппер, однако в эту категорию, так или иначе, попадают и работы Т. Гомперца, Э. Целлера, Р. Кроссмана и т.д. также сюда следует отнести часть работ Э.Д. Фролова, Ф.Х. Кессиди, А.Ф. Лосева, П. Карабущенко и другие. Определённая сложность здесь состоит в том, что некоторые из этих трудов можно отнести, как к разряду собственно источников, так и к разряду литературы, поскольку они одновременно являются и объектом исследования (как определённая веха в развитии антиковедения), и текстами, содержащими переосмысленное изложение автором определённой исторической информации.

К этой же группе относятся источники, которые можно охарактеризовать, как методологические. Это статьи и монографии, образующие корпус выбранной автором для анализа и апробации методологии. В первую очередь, это работы И.Ю. Николаевой, а также некоторых известных специалистов в области человеческого бессознательного, таких как Э.Фромм, Э.Эриксон, Д. Узнадзе, К. Хорни и др.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту

1. Используемая автором полидисциплинарная технология позволяет реконструировать динамику эволюции психосоциальной идентичности граждан афинского полиса.
2. С помощью данной технологии возможно проанализировать деформацию традиционных полисных ценностных ориентиров, отразивших его кризис.

3. Также, используя избранную методологическую стратегию можно проследить различие путей обретения своей идентичности различными представителями афинской элиты в условиях кризиса.
4. Эта технология обладает достаточным эпистемологическим ресурсом для исследования динамики идентичности самого Платона, в частности выявления причин усвоения идентификационных идеалов учителя Сократа, и оформления их в виде ряда гуманистических ценностей в своей социально-политической теории.
5. Помимо этого, при помощи данного инструментария можно осуществить поэтапную верификацию сделанных выводов: а) путём коррелируемости социально-ролевой, гендерной и смеховой идентичности философа; б) используя сравнительно-исторический анализ идей Платона и Конфуция.
6. Тем самым разрешить историографический «казус», заключающийся в том, что значительный массив исследовательской традиции строится на отказе социально-политическим идеям Платона в каком-либо гуманизме, и обвинении в элитарном консерватизме, а также в тоталитаризме.

Практическая значимость

Материалы диссертации могут быть использованы для создания общих и специальных курсов по методологии истории, философии, спецкурсов по античной истории, гендерной истории, а также в написании научных работ, как прикладного, так и общетеоретического характера, в обозначенных областях.

Апробация работы

Отдельные части исследования уже неоднократно демонстрировались научной общественности, в частности они нашли отражение в различных научных публикациях, а также в докладах автора на международных, всероссийских и региональных научных конференциях. Из наиболее заметных результатов следует назвать победу в открытом всероссийском конкурсе «Академическая мобильность», а также получение медали «За лучшую научную работу среди студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам». Помимо этого стоит отметить, что многие положения диссертационной работы отражены в ряде научных публикаций.

Структура работы.

Работа структурирована в соответствии с поставленными задачами, а также особенностями применения выбранного полидисциплинарного подхода. Она состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении осуществляется постановка проблемы, даётся обосновывается актуальности озвученной темы и её научной новизны. Помимо этого в данной части исследования присутствует полноценный историографический обзор, который позволяет сформировать у читателя представление о степени изученности поставленной проблемы. Так же во введении формируются цели и задачи диссертационного исследования.

Первая глава - **Эволюция психосоциальной идентичности античного полиса в свете полидисциплинарного анализа эпохи кризиса** – посвящена реконструкции путей эволюции психосоциальной идентичности античного полиса в фокусе его полидисциплинарного анализа, посредством озвученной технологии. Особое внимание уделено исторической конъюнктуре V в. до н.э., так как этот период является ключевым в производимой реконструкции социально-психологической идентичности и её мутаций.

В первом разделе - Специфика античного полиса и ценностные ориентации его членов на ранних этапах его существования – выделяются характерные черты древнегреческого общества на заре обретения им своей государственности – в гомеровский период и в первой половине архаической эпохи. Посредством полидисциплинарного анализа историко-культурных и климатогеографических особенностей выделяется специфика зарождавшейся полисной системы. С помощью методологического инструментария теории установки реконструируются основные фиксированные установки социума или ценностные ориентиры, вокруг которых, собственно, стартует процесс генезиса греческой элиты. Как и в любом традиционном обществе, они были связаны с физической силой, военной доблестью, верностью своей корпорации, обладанием скотом и землёй и т.п. Однако, ввиду специфики древнегреческого общества, следствием которой стала большая степень индивидуализации, уже в эпоху архаики появляются свидетельства о первых заметных признаках эрозии традиционного уклада, в первую очередь, как мы выяснили, характерного для греческой аристократии. Ярким примером здесь является творчество беотийского поэта Гесиода, который отмечает постепенно овладевающие его современниками стремление к наживе и желанием разбогатеть недостойными для тогдашнего грека способами (в частности торговлей). Это подтверждается и свидетельством некоторых других греческих авторов данного периода, в частности Солоном. В этом разделе также расшифровывается психологическая подоплёка гендерных матриц сознания. С позиций бессознательного даётся трактовка не только отношения греков к женщине, но многократно воспетой однополый любви.

Второй раздел - Полис на пути к кризису: изменения в ценностных ориентациях общества в свете полидисциплинарного анализа – посвящён полидисциплинарному анализу заключительного столетия эпохи архаики. На примере поэтических произведений видных аристократов (Солона, Алкея, Феогнида и др.) демонстрируется эскалация процесса девальвации фиксированных установок греческого общества. На фоне этого отчётливо видно, каким образом развиваются отношения между набирающим влияние демосом и теряющей позиции элиты. Особое внимание уделено сущности реформ Солона, а главное их значению для эволюции греческой идентичности. Демократизация, бурное развитие товарно-денежных отношений, изменение самого принципа формирования социальной структуры Афинского полиса – всё это привело к распространению нового кода сознания и поведения, сочетавшего в себе, как традицию, так и новую адаптивную форму изменившегося кода, базировавшегося на набиравших силу новых актуально-моментальных установках, связанных с резко обострившемся стремлением к наживе любыми путями ("Деньги это человек!"), попранием традиционных моральных ценностей.

Наконец, в третьем разделе - Трансформация психосоциальной идентичности граждан полиса как индикатор его кризиса – речь идёт о ключевом этапе – V в. до н.э. Знаменитый современный антиковед Э.Д. Фролов по этому поводу писал: «В самом деле, пора наивысшего расцвета в Древней Греции полисной цивилизации – эпоха так называемого *Пятидесятилетия*, т.е. время от решающих побед греков в борьбе с персами и до начала междоусобной Пелопонесской войны (479 – 431 гг. до н. э), совпадает с началом развития и таких тенденций, которые скоро должны были подточить фундамент этой цивилизации. Скажем яснее: греко-персидские войны, в ходе которых полисный строй столь убедительно продемонстрировал свои преимущества перед восточной деспотией, резко стимулировали общественный прогресс, а в этом прогрессе и были заложены исторические основания кризиса полиса»⁴⁹. Данный этап афинской истории был охарактеризован С.Я. Лурье, как век аристократического правления, притом, что Афины официально стали демократическими. Эта дихотомия, развёрнуто представленная в статьях Э.Д. Фролова, во многом отражала противоречивую двойственность ценностных ориентиров, бытовавших тогда в Аттике (впрочем, не только в ней). Успешная империалистическая внешняя политика, мощный экономический подъём, связанный с расцветом торговли, всё это во многом способствовало ментальной деградации социума – закреплению новых актуально-моментальных установок стремлением к наживе любым способом, и связанных с ними поведенческих матриц. Девальвируется ряд таких ценностей, как верность своему полису и его гражданам, честность в общественно-политической деятельности и ряд других. На смену

⁴⁹ Фролов. Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001. С. 15.

им приходит интриганство, укоренившееся не только в политике, но и во всех сферах общественной жизни. Расцвет популизма и демагогии только способствовал начавшемуся формированию прослойки люмпенов, потерявших землю, но вопреки традиционным нормам, по-прежнему обладающие всей полнотой прав. Фукидид вынужден был констатировать, что эллинами утерян этос. Разразившаяся во второй половине V в. Пелопонесская война вызвала массовый кризис идентичности и значительную архаизацию греческого сознания.

Вторая глава - **Эволюция идентичности Платона в фокусе полидисциплинарного анализа формирования гуманистических ценностных ориентиров** посвящена собственно демонстрации возможностей привлекаемой технологии для анализа эволюции идентичности Платона, в ходе которой философ и обрел гуманистические ориентиры.

Первый раздел - Особенности становления идентичностей Алкивиада и Ксенофонта в условиях процесса эрозии традиционных ценностных ориентиров. Чтобы рельефнее обозначить специфику пути обретения Платоном своего **Я**, в качестве своеобразных «спарринг-партнёров» в первом разделе второй главы привлекаются два его современника: также представители аристократического сословия, являвшиеся учениками Сократа, – Алкивиад и Ксенофонт. Таким образом, мы получили возможность сравнить различные возможные пути обретения своей идентичности представителями элиты в период кризиса полисной системы. Красной нитью через анализ путей их социализации будет идти выявление новых идентификационных ориентиров гуманистического типа сознания, которым обладал объединявший их учитель Сократ. Пролить свет на причины непохожести впитываемых ими совокупностей фиксированных и актуально-моментальных установок позволяет биографический материал и творческое наследие. В ходе исследования удалось реконструировать особенности эволюции идентичности его учеников – Алкивиада и Ксенофонта. Понять, почему, невзирая на притягательность личности и учения Сократа, связанные с его фигурой ценности не стали прочным стержнем для конфигурации идентичности ни того, ни другого. Слишком силен был груз установок модуса «иметь», позволивший их идентичности если не деформироваться, как это ярко видно на примере фигуры Алкивиада, то сохранить, или даже прирастить авторитарно-архаические ценности в своем сознании, что отчетливо демонстрирует фигура Ксенофонта. При всем различии эволюции идентичности Алкивиада и Ксенофонта стрекшевым смысловым ориентиром для обоих выдающихся афинян оказалась установка, связанная с властью и обладанием ей. Алкивиад являл собой торжество нового эгоистического (в противовес коллективному) начала. Ксенофонт же, в силу объективных причин, гораздо больше идентифицировал себя с Сократом и его учением, однако, несмотря на избранный путь творческих поисков, а не

военно-политической карьера, его ценностные ориентиры, пусть не столь в явном обличи, как у Ксенофонта, вписывались в модус «иметь», а не «быть» (терминология Фромма), что в значительной степени нашло отражение в его творчестве.

Второй раздел - Модификация идентичности Платона: от обретения идентификационного идеала к кризису идентичности посвящён выяснению методологических возможностей избранной методологической стратегии, применительно к анализу историко-культурной специфики оформления идентичности Аристокла. В результате удалось установить, что Сократ для Платона был гораздо более действенным объектом идентификации, нежели для Ксенофонта и Алкивиада. Это показал срупулёзный анализ становления идентичности философа до того момента, когда он сразу после смерти учителя на 10 лет покинул Афины. В частности выявляется, насколько сильные изменения произошли в мировосприятии юного Платона после знакомства с Сократом, которое во многом и предопределило кардинальную смену идеалов на пути к обретению им своего «Я». Помимо этого подвергается анализу тот психологический кризис, вызванный гибелью учителя, с которым Платон на подсознательном уровне себя идентифицировал. В режиме большого времени удастся установить, что именно специфика древнегреческого полиса, с его ранним развитием ярко выраженного индивидуализма в эпоху кризиса традиционных ценностей создавала психологическую почву даже для некоторых представителей знати, (к каковым принадлежал Платон, не говоря уже о простолюдинах, в данном случае Сократа,) эмоционально глубоко прочувствовать остроту многих возникавших в кризис конфликтов и несправедливость их разрешения, идентифицировать себя, в силу личной причастности к указанным явлениям, с пострадавшим близким человеком. При этом удалось установить, что здесь скрыты бессознательные истоки будущей гуманистической идеи социально-политической теории Платона, заключавшейся в том, что достойным граждан государством является только то, чьи установления пригодны и слабейшему.

Третий раздел - Преодоление кризиса «для себя» - рождение новых ценностных ориентиров для многих – хронологически и логически продолжает предыдущий. Он посвящён анализу эпистимологических ресурсов избранной полидисциплинарной технологии в выявлении пластики и закономерностей преодоления Платоном упомянутого внутреннего кризиса и постепенного вытеснения спутанной части его идентичности идентичностью позитивной. Именно с помощью избранного инструментария при анализе писем и другого источникового материала удалось выявить какой след чувств страха и неуверенности, в связи с несправедливой казнью Сократа и вынужденным бегством из Афин, испытал Платон, что не могло не породить дрейфа в направлении к негативной идентичности – неуверенности в себе и избранных ориентирах. При помощи теории

Эриксона и теории установки, объясняющими механизм репрессирования названных чувств, обретения уверенности и необходимой для продолжения конструктивной деятельности энергии был реконструирован путь обретения философом позитивной идентичности. Он был нелегким- исполненным страдательно-творческой интериоризации культурно-исторических и психологических конфликтов окружающего мира (при этом кульбиты этого пути были неожиданны – от скитаний, попадания в рабство, до основания собственной Академии). Однако заложенные глубоко и «усвоенные как свои» ценностные ориентиры или идеалы учителя создали базу для приращения как позитивной части идентичности, так и новаторского творчества, значительная часть которого касается разработки наиболее справедливого и качественного государственного устройства. Именно в платоновской теории идеального государства иногда имплицитно, а иногда и явно можно отчётливо проследить ощутимый шлейф сократовского гуманизма, **переосмысленного** Платоном и ярко выраженного в тезисе, что «государство есть то, что пригодно и слабейшему». Смысловые обертоны гуманизма философа видны также в интерпретации им возможности женщины участвовать в управлении государством (а на практике – они имели право обучаться в Академии), в самой системе отбора перехода в другое сословие, в том числе и управленцев, предполагавшее учет способностей личности. Безусловно, гуманистические взгляды Платона неоднозначны, к примеру, они не распространяются на варваров. Эпистемологический ресурс избранной технологии позволяет сформулировать гипотезу, объясняющую причины этого. Поскольку важнейшим механизмом выработки новых ценностей была психологическая идентификация с пострадавшим, близко знакомым носителю новых взглядов, то отсутствие такового опыта у Платона вкупе с тем, что его единая нефиксированная установка содержала в себе и традиционное отношение к варварам открывает путь понимания того, почему они оказались «за бортом» человеческого сообщества, на которого распространяются справедливые нормы. Точно также можно найти объяснение причин того, почему именно просвещенный государь оказывается наиболее приемлемым для управления обществом. Итак, использование полидисциплинарной технологии, имеющей фокусом бессознательное, дало возможность найти обоснования тому, что социально-политическая теория Платона была, пожалуй, первой в европейской истории попыткой отрационализированного и сформулированного на языке социально-политической теории страдательно-творчески пережитых и осмысленных согласно уровню тогдашней культуры гуманистических постулатов. Благодаря этому появляется возможность снять с Платона обвинения в тоталитаризме и эгалитаризме, разрешив, таким образом, обозначенный в работе историографический «казус» Платона.

Четвёртый раздел – Верификация исследовательской гипотезы – представляет собой дополнительную проверку полученных результатов с помощью реконструкции гендерной и смеговой составляющих его идентичности, а также сравнительно-исторического анализа идей Платона с моделью китайского философа Конфуция, благодаря чему рельефнее показать закономерность инаковости, при определенной схожести, возникновения, закрепления и рационализации гуманистических идеалов в политической теории Платона. Специфика которой, во многом обусловлена высокой степенью динамики исторического развития греческой цивилизации, быстро обновляющейся системы общественного разделения труда, влекшего за собой ускоренные темпы процесса индивидуализации, смены ценностных ориентиров.

В заключении изложены основные выводы диссертационного исследования.

Использование избранной полидисциплинарной технологии позволило реконструировать живую историко-психологическую пластику кризиса греческого полиса, выявить динамику его психосоциальной идентичности. Важно подчеркнуть, что именно вскрытие с помощью избранного инструментария постепенного процесса трансформации ценностных ориентиров, связанных с войной, землевладением, деньгами и способами их наживы, дало возможность сделать вывод, что проявившийся кризис имел системный характер и значительно более глубокие корни, чем принято считать. Это, соответственно, позволяет в какой-то степени пересмотреть укоренившуюся в историографии позицию, обозначающую кризис только в самом конце V – IV вв. до н.э.

Использование инструментария теории установки позволило выявить нарастание противоречий, сосуществование на ментальном уровне граждан полиса двух комплексов ценностей, один из которых апеллировал к традиции и был укоренен в глубинах бессознательного в виде ряда фиксированных установок, а другой исходил из сложившейся исторической конъюнктуры, постепенно вытесняя и заменяя первый (во второй главе приведена аналогия с теорией Г.С. Кнабе о двух категориях престижности), всё это обозначило дрейф к доминированию негативной социально-психологической идентичности

Наиболее рельефно означенные процессы отразились на представителях элиты. Применение избранного методологического инструментария к анализу конкретных носителей этой психосоциальной идентичности в лице Алкивиада, Ксенофонта и Платона позволило проинтерпретировать различие путей ее становления в означенную кризисную эпоху.

Проанализировав с помощью избранной полидисциплинарной технологии особенности социализации (в том числе и психологический аспект) Алкивиада и Ксенофонта, можно глубже понять процесс трансформации идентичности философа Платона. Становление его

идентичности как инаковой, способной к страдательно-творческому обретению новых ценностных идеалов особенно рельефно проявилось в событиях, связанных с казнью его учителя Сократа. Анализ писем Платона с помощью инструментария теорий и концептов бессознательного, – с опорой на внеисточниковое знание, позволил выявить его глубокую идентификацию с учителем: как на уровне прокламируемых тем идей, так и эмоционально-эмпатическом уровне. В отличие от названных учеников Сократа – Ксенофонта и Алкивиада, он не просто усвоил, а по-настоящему прочувствовал учение философа. И именно его, единственного из всех трёх, можно назвать обладателем ярко выраженного модуса «быть».

Анализу корпуса гуманистических идей Платона, порой скрытых за их авторитарно-утопической формой бытования в текстах философа, в соотнесении с выводами, полученными в первой главе диссертации, позволяет заключить, что возникновение радикально нового государственного проекта не было случайным – это был осмысленный ответ на вызов, который бросила история греческой цивилизации.

Также, во многом благодаря привлечённому методологическому инструментарию, удалось провести верификацию полученных выводов. На первом ее этапе выявился параллелизм мутаций идентичности Платона в социально-ролевой сфере с гендерной и смеховой идентичностью философа. Второй этап, развернутый в сравнительно-исторической плоскости, в сопоставлении гуманистических идей Платона с появившимися почти гуманистическими идеями в Китае в творчестве Конфуция, дал основание заключить, что однопорядковыми их назвать нельзя, во многом именно благодаря большему динамизму, присущему греческой цивилизации.

Подводя итог, нужно отметить, что избранный полидисциплинарный подход обнаружил методологическую релевантность в исследовательском поле антиковедения на примере апробации его в решении одной из сложнейших и спорных проблем наличия гуманистических ценностей в концепции Платона.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в следующих авторских работах.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Садыков Г.И. «Два полюса одного полиса» или пути обретения индивидуальности на закате эпохи классической Греции // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 338. – С. 101-104 (0,56 п.л).

Публикации в других научных изданиях

2. Садыков Г.И. Платона в мировоззренческой системе Поппера // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Сб. трудов студентов и аспирантов исторического факультета – Вып. 1.– Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 74-76 (0,22 п.л).
3. Садыков Г.И. Адекватность образа Платона в концепции открытого общества Карла Поппера // Наука, технологии, инновации: материалы всероссийской научной конференции молодых учёных 8-11 декабря 2005 г. – Новосибирск, 2006. – Часть 6. – С. 39-42 (0,1 п.л).
4. Садыков Г.И. Истоки и специфика европейского гуманизма // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Сб. трудов студентов и аспирантов исторического факультета. – Вып. 3.– Томск: Изд-во ТГУ, 2008. – С 71-76 (07 п.л.).
5. Садыков Г.И. Истоки и специфика античного гуманизма в свете «казуса» Платона // «Вторые исторические чтения Томского государственного педагогического университета»: материалы международной конференции, посвящённой 105-летию ТГПУ, 75-летию образования исторического факультета ТГПУ (20-21 ноября 2007 года). – Ч.2. – Томск, 2007. – С. 127-136 (0,56 п.л).
6. Садыков Г.И. Казус Платона в свете возможностей полидисциплинарного анализа природы античного гуманизма // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX международной научной конференции. Москва 31 января – 2 февраля 2008 г.: в 2 ч. – М.: РГГУ, 2008. – С. 560-563 (0,15 п.л).

7. Садыков Г.И. «Иметь или быть»? Кризис социально-психологической идентичности как ответ на вызовы нового уклада // Вестник Томского государственного университета. История. – 2009. – №2(6). – С. 101-105. (0,3 п.л.).
8. Садыков Г.И. Пути деконструкции социально-психологической идентичности в условиях торжества нового уклада в эпоху кризиса античного полиса // Материалы III региональной молодёжной научной конференции «Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы» Института СО РАН, 19-21 августа. – Новосибирск, 2009 [электронный ресурс] // Совет научной молодёжи ИИ СО РАН. Url: <http://history.nsc.ru/snm/2009.htm> (дата обращения: 15.06.2010). (0,3 п.л.).
9. Садыков Г.И. Эволюция поведенческих матриц как следствие общего кризиса социально-психологической идентичности в афинском полисе в эпоху кризиса // История мировых цивилизаций: этнонациональные проблемы и пути их решения: материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Красноярск, 27 ноября 2009 г. – Красноярск, 2009. – С. 81-88 (0,3 п.л.).
10. Садыков Г.И. Софистика: лжемудрость или прогрессивный элемент историко-философского процесса // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Сб. трудов студентов и аспирантов исторического факультета – Вып. 7.– Томск: Изд-во ТГУ, 2011. – С. 150-152 (0,28 п.л.).